

Ольга Тартынская

**ЛЕТО
В ПРИСУТСТВИИ
АНГЕЛА**

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Т21

Тартынская, О.

Т21 Лето в присутствии ангела / О. Тартынская. — М. : Т8 Изда-
тельские технологии / RUGRAM, 2024. — 244 с.

ISBN 978-5-517-11759-5

Привычная жизнь молодой вдовы Лизаветы Сергеевны Львовой изменилась, когда в имение нагрянули гости. Лизавета Сергеевна давно уже перестала думать о себе, с головой уйдя в заботу о детях и о хозяйстве.

Появление в усадьбе Николая Мещерского, студента-естественника, пробудило в ней забытые мечты. Мещерский же влюбляется не на шутку, однако он что-то скрывает, и эта тайна не дает покоя молодой вдове. Позволит ли она себе поддаться страстному чувству, или боязнь сплетен и мнение света окажутся сильнее? Удастся ли пылкому влюбленному зажечь в Лизавете пожар ответной страсти и убедить ее стать его женой? В их распоряжении всего одно лето, прекрасное лето любви.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-11759-5

© Тартынская О., 2024
© Власова В., оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА 1

— А что, барыня, не поехать ли навстречу? Не ровен час, где застряли. Дороги наши известные, да дождливо нынче. — Это кучер Тимошка обратился к помещице Лизавете Сергеевне Львовой, которая в ситцевом утреннем платье вышла на балкон деревянного дома с мансардой посмотреть, не едут ли гости.

— Надо было послать экипаж! Ты дорогу знаешь, а их англичанин-форейтор мог и не справиться. — На свежем, ясноглазом лице молодой женщины отразилась забота. — Впрочем, подождем еще немного. Иди к себе.

Она глубоко вздохнула и развела руки в стороны, будто ловила утренний, нежный ветерок. С балкона второго этажа помещичьего дома раскрывалась чудесная картина: со всех сторон усадьбу обступал лес, холмистая местность со множеством скрытых озер напоминала талантливые декорации, настолько ненастоящей в дымке утреннего освещения представлялась эта красота.

Было раннее утро, но солнце уже взошло: июнь на севере светлый, ночи проскакивают незаметно, только на час сгущается тьма. Лизавета Сергеевна любила поспать, но сегодня она ждала гостей: еще месяц назад уговорились

с подругой встретиться в этот день в Приютино, чтобы вместе помянуть мужа Лизаветы Сергеевны, умершего несколько лет назад. Татьяна Дмитриевна Хвостова в некоторых случаях была педантичной дамой, нарушить обещание она не могла, следовательно, вот-вот покажется ее английская коляска.

Лизавета Сергеевна прислушалась к непривычной тишине дома. Дети еще спали, в левом крыле дома Мавра одиноко гремела самоваром и ворчала, что угли опять сырые. Помещица еще раз вздохнула, вспомнив о нынешней дате. Вот уже шесть лет она вдовствует и, конечно, горечь утраты давно притупилась, но в этот день она особенно остро чувствовала свое одиночество.

Генерал Львов был старше ее на двадцать лет, он дружил с покойным батюшкой Лизаветы Сергеевны. Разница в возрасте привела к тому, что муж для юной Лизы стал наставником в житейских и семейных делах и вызывал больше чувство почтения и дружеской привязанности, нежели любовь. Шестеро их детей были зачаты и рождены в согласии и единоверии. Супругов объединяла нежная дружба, которая, как известно, часто долговечней и крепче, чем пылкая, страстная любовь.

Когда генерал ушел в отставку, они вместе устраивали свое семейное гнездо в Москве на Пречистенке, среди особняков московской знати, где Лизавета Сергеевна в свое время росла и воспитывалась под присмотром гувернанток и бесчисленных московских тетюшек. Дни их текли мирно и спокойно, в привычном ритме: зима — театры и балы у Корсаковых или Ахросимовых, а то и у себя устраивали, летом — всем домом, с чадами и домочадцами перебирались в новгородское имение Приютино. Муж учил ее самой заниматься хозяйством, входя во все вопросы управления имением, будто чувствовал, что скоро оставит ее одну.

Конечно, он мало походил на героя девичьих грез, так и не встреченного Лизой, но с ним было надежно и спокойно. Лизавета Сергеевна с теплой улыбкой вспоминает мужа в самых обыденных ситуациях: вот он, совершенно счастливый, держит на руках их старшую девочку, Машеньку, а она держит отца за усы. Или вот он в домово́й церкви, преклоненный пред образами, воинственность его лица с жесткими морщинами у переносья смягчается в свете лампад. Конечно, он был вполне земным человеком: любил осеннюю охоту, вист, клюквенную настойку, которую так искусно приготавливал Мавра. А выпив настойки в кругу соседей-помещиков, вспоминал войну, французов, Бородино и то, как погиб князь Петр Иванович Багратион. «Он был великим полководцем», — любил повторять генерал.

Господи, они прожили вместе 15 лет без единой ссоры, без семейных сцен и драм! И отошел он тихо, во сне, с уже неземной улыбкой на лице...

И вот уж старший сын Владимир — корнет Лейб-Гвардии гусарского полка, а другой сын, Алексей — выпускник Пажеского корпуса в Петербурге. Две девицы почти на выданье, 16 и 17 лет, и младшие мальчик и девочка пока что дома на попечении учителей и гувернеров. Лизавета Сергеевна ждет подругу еще и с тайной надеждой на возможного жениха: подруга везет сына — студента Московского университета, отпущенного на летние вакансии. Да он едет не один, а с богатым кузеном, который прежде был студентом в Петербурге, а теперь готовился к переэкзаменовке в Московский университет. Лизавета Сергеевна уже распорядилась отвести гостю самую отдаленную комнату в правом крыле, чтобы его занятиям не мешали суета и бурная летняя жизнь дома.

Однако молодежь, конечно, вовлечет юношу в свои игры, спектакли и маскарады, которые случаются здесь каждое ле-

то, а там, глядишь, знакомство и приведет однажды к сватовству.

Имение Львовых всегда отличалось гостеприимством. Соседи любили наезжать и по несколько дней жили в Приютино; старшие сыновья привозили товарищей (и сейчас их тоже ждали с особым нетерпением). Обязательно приглашались московские кузены и кузины, так что Приютино бурлило все лето, и все эти чудные летние дни в доме царила атмосфера влюбленности, флирта, игры юных существ. Казалось, сам воздух напоен был этим. Без генерала в доме установились демократические отношения, даже девицам давалась определенная степень свободы, что вовсе не влияло на их нравственность. Все, от мала до велика, влюблялись, страдали, бурно объяснялись вслух и письменно, а потом... потом разъезжались по домам и все забывали до следующего лета.

И только Лизавета Сергеевна была одна. Нет, она тоже с юношеским энтузиазмом включалась в игры детей, с удовольствием принимала соседей, но за все шесть лет вдовства она так больше никого и не полюбила. И дело не в том, что вдова скорбела и хранила верность покойнику, чей портрет украшал приютинский кабинет и гостиную их московского дома. Вовсе нет. Просто в непрестанных заботах о детях она забывала о себе. Лизавете Сергеевне казалось, что ее жизнь давно закончилась и больше ничего не будет.

Татьяна Дмитриевна, ее единственная давняя подруга, теперь жена тайного советника, не одобряла «эту политику». Сама она была не прочь пофлиртовать, пококетничать, увлечься каким-нибудь гусарским штаб-ротмистром, с удовольствием выезжала в свет и большую часть времени проводила в Петербурге, при дворе.

Лизавета же Сергеевна перестала выезжать после смерти генерала, довольствуясь домашними вечерами в родствен-

ном кругу. И хотя подруга испробовала все средства, чтобы встряхнуть belle Lise, как она ее называла, та неизменно отвечала, что уже стара, некрасива и давно потеряла надежду на счастье. «Я не хочу даже слышать этого слова — «стара»! Ma she`re, забудь, как оно произносится. Ты хороша и свежа и знаешь об этом. Только тебе надо немножко заняться собой. Если не сделаешь этого, то я сама сделаю! Посмотри на себя в зеркало. — Татьяна Дмитриевна чуть не силком подтаскивала подругу к большому зеркалу в старинной раме. — Видишь? Кто поверит, что ты вдова и мать шестерых детей? Шиньон, корсет, локоны, вот сюда чуть-чуть румян — и можно замуж выдавать! Ах, ma she`re, у меня на примете есть один симпатичный гусарский полковник, тоже вдов, правда, нищ и гол как сокол, но какие усы, какие глаза! Марс, Юпитер!»

Лизавета Сергеевна обычно хохотала в ответ и мягко уклонялась от столь соблазнительного знакомства. Однако зеркало не обманывало: она действительно выглядела очень свежо и, хотя стеснялась своего полнеющего стана и слишком пышной, на ее взгляд груди, сохранила какую-то девическую грацию и детскую чистоту черт. Лизавета Сергеевна была трогательно женственна и весьма привлекательна. К тому же, по утверждению не только подруги, но и ее тайных воздыхателей (а они, разумеется, были у Лизаветы Сергеевны, только давно отчаялись вызвать взаимность), она была далеко не глупа и обаятельна.

Нельзя сказать, что одиночество не тяготило молодую женщину. Напротив, она готова была признаться, что тоскует и, как в ранней юности, мечтает об избраннике. Но пока Лизавета Сергеевна шла к этому, все поклонники преисполнились безмерным уважением к ее «святости» и возвели даму на пьедестал. Чувство преклонения, священный трепет вытеснили любовное влечение, и Лизавета Сергеевна

незаметно для себя оказалась в ледяном холоде одиночества. Ей тайно посвящались стихи, к ней приходили за советом, ей поверялись секреты, но не было рядом никого, кто согрел бы одинокую женщину своим теплым прикосновением и к кому можно было бы приникнуть, уткнуться в грудь и поплакать просто так, жалеючи себя.

Лизавета Сергеевна жила детьми и успокаивала себя рассуждениями, что скоро дети внуков нарожают, жизнь берет свое. И только с одним желанием не могла совладать бедная женщина: как истинная мать и воплощение женственности, она страстно хотела ребенка. «Еще одну новую жизнь произвести на свет, еще одну надежду, Господи, дай!» — молилась она по ночам, но с утра жизнь входила в свою колею, тоска отступала. И только когда наезжали соседи Давыдовы со своим многочисленным потомством и годовалым младенцем, Лизавета Сергеевна брала ребенка на руки, прижимала к груди и тихо плакала...

— Да вон же они, барыня! Приехали! — услышала Лизавета Сергеевна сипловатый голос Тимошки.

И тут будто смерч пронесся по дому: захлопали двери, окна, закрытые на ночь от комаров, распахнулись. Отовсюду голоса: «Приехали? Ура! Приехали!» Строгий голос тата: «Барышня, куда же вы не причесавшись! Мадемуазель Нина, немедленно умываться!» Никто не хотел слушать взрослых. Стайка подростков, сопровождаемая собаками, выбежала из дома, огибая колонны и минуя ступени большого крыльца, летела навстречу коляске, катившей по аллее к дому. Лизавета Сергеевна, забыв все грустные мысли, поспешила вслед за детьми.

Пока она спускалась, первый этап встречи, самый бурный, был завершен. Дети обнимали и трепали Сергея, юношу добродушного вида, сына Татьяны Дмитриевны. Сама